

79
193

ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦІИ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. В. Успенскаго и Г. Ф. Чиркина.

№ 2.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунниа

Столярный пер., № 13.

1907

къ участию въ расходахъ по осуществленію культурно-просвѣдѣтельныхъ задачъ правительства. И только въ совершенно поставленныхъ, такъ сказать, на ноги территорияхъ области или губерніи можетъ быть введено постепенно самоуправленіе, въ руки котораго и должна быть передаваема вся культурно-просвѣдѣтельная работа Главнаго Управленія.

Въ частности, существованіе въ настоящее время трехъ самостоятельныхъ органовъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія, вѣдающихъ государственныя имущества, землеустройство и переселенческое дѣло и имѣющихъ фактически почти однородныя функции, безусловно должно быть признано ненормальнымъ для развитія экономической жизни страны, поэтому въ каждой губерніи или области должно быть одно объединенное управленіе, которое охватывало бы собою всю экономическо-хозяйственную жизнь извѣстной территоріи и, имѣя своей основной задачей заселеніе данной области или губерніи, приходило бы на помощь уже осѣвшему населенію, какъ въ смыслѣ урегулированія земельныхъ отношеній при переходныхъ формахъ землепользованія, такъ и раціональнаго использованія лѣсныхъ и иныхъ земельныхъ богатствъ въ предѣлахъ постепенности, отнюдь не упреждая ими жизнь.

Ал. Успенскій.

Вліяніе колонизаціи на киргизское хозяйство.

(По даннымъ повторнаго изслѣдованія Аракарагайской волости, Кустанайскаго уѣзда, Тургайской области, произведеннаго Л. Н. Цабелемъ).

До настоящаго времени работы по образованію переселенческихъ участковъ въ степныхъ областяхъ ведутся по одному общему плану: особыми статистическими отрядами производится полное подворное обслѣдованіе, которое для областей Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской экспедиціей, подъ руководствомъ земскаго статистика Щербины, было подкрѣплено бюджетными данными. На основаніи этихъ обслѣдованій, исчисляется площадь, необходимая мѣстному населенію, и „свободные излишки“, которые могутъ поступить подъ заселеніе.

Всѣ нормы экспедиціи Щербины рассчитаны на скотоводческое хозяйство, и потому, какъ абсолютно, такъ и относительно, являются очень высокими и во многихъ случаяхъ значительно превышаютъ размѣръ помѣщичьяго хозяйства Европейской Россіи *). Такъ, для сѣверной части Кустанайскаго уѣзда, отличающагося очень высокими почвенными качествами, „нормы“ на одно хозяйство, подлежащія оставленію, равны:

Районы.	Призна- мовки.	Лѣтовки.	Полная годовая.
А	120 д.	24 д.	144 д.
В	144 „	29 „	173 „
С	168 „	34 „	202 „

*) Наибольше многочисленная группа земледѣльцевъ имѣетъ, въ среднемъ, не болѣе 50 дес.

Если сюда прибавить еще 25%, которые оставляются къ вѣщаему огражденію киргизъ, то въ пользованіи каждаго киргизскаго хозяйства остается площадь (170 дес. для р. А, 216 десят.—для р. В и 252 десят.—для р. С), превышающая не только размѣръ трудового земледѣльческаго хозяйства, но и хозяйства того смѣшаннаго типа, какимъ является хозяйство киргизъ сѣверныхъ уѣздовъ Тургайской и Уральской областей.

Изъ статистическихъ свѣдѣній по земельному вопросу Европейской Россіи (изд. отд. экон. и сельскох. стат. 1906 г.) видно, что въ губерніяхъ, которыя, съ нѣкоторымъ приближеніемъ, могутъ быть приравнены къ сѣверной части Кустанайскаго уѣзда, наиболѣе многочисленная группа частныхъ владѣльцевъ имѣетъ менѣе 50 десятинъ; на крестьянскій же дворъ въ этихъ губерніяхъ приходится отъ 4,8 до 7,6 десят. земли.

Губерніи.	% частныхъ владѣльцевъ менѣе 50 дес.	Средній надѣлъ на крестьянскій дворъ (3 душ. м. п. наличнаго населенія).
Орловская	75%	5,4
Курская	85%	5,1
Тульская	69%	4,8
Рязанская	82%	5,1
Саратовская	57%	7,6

Слѣдовательно, киргизская норма превышаетъ наивысшій для означенныхъ губерній (Сарат.) размѣръ надѣла въ 22—33 раза и въ 3—5 разъ—размѣръ большинства частныхъ владѣній. По сравненію же съ крестьянскимъ надѣломъ въ томъ же Кустанайскомъ уѣздѣ киргизская норма выше въ 5—8 разъ.

Но сторонники киргизскаго кочевого быта, игнорируя или находя мало убѣдительными приведенныя основанія, выдвигаютъ въ качествѣ возраженія противъ колонизаціи степи неблагоприятныя, будто бы, почвенныя и климатическія условія, традиціонную привычку киргизъ къ скотоводству и невозможность, будто бы, перехода ихъ къ земледѣлію.

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ подобныя аргументаціи, не опираясь на дѣйствительность, носятъ совершенно отвлеченный характеръ и сводятся къ общимъ заявленіямъ объ обнищаніи киргизъ, не встрѣчавшимъ опроверженія въ цифровыхъ данныхъ.

Для выясненія вопроса о вліяніи колонизаціи на киргизское хозяйство, въ концѣ 1905 года, завѣдывающимъ переселенческимъ дѣломъ въ Тургайско-Уральскомъ районѣ Цабелемъ было предпринято повторное обслѣдованіе одной изъ волостей Кустанайскаго уѣзда, гдѣ уже были произведены значительныя изытанія.

Выборъ остановился на Аракарагайской волости по слѣдующимъ основаніямъ.

Изъ предѣловъ Аракарагайской волости были произведены отчужденія еще до начала землеотводныхъ работъ для города Кустаная около 43.000 дес. и для Кустанайской заводской конюшни—около 30.000 десят.

Затѣмъ, съ открытіемъ землеотводныхъ работъ, въ первый же годъ таковыхъ (1899) изъ пользованія киргизъ были изытаны земли для крупныхъ поселковъ: Затобольскаго, Александровскаго, Борисовскаго, Романовскаго, Владимірскаго и Давыденскаго и др., всего площадью до 129.094 десят.; наконецъ, въ предѣлахъ той же волости была образована дача единственнаго владѣнія казны (Аракарагайская), площадью въ 66.848,18 дес.

Такимъ образомъ, Аракарагайская волость въ земельномъ отношеніи пострадала больше другихъ, и въ то же время она не находилась въ какихъ-либо исключительно благоприятныхъ условіяхъ.

Находящійся въ ея территоріальныхъ предѣлахъ городъ Кустанай не можетъ быть разсматриваемъ какъ такой крупный центръ, который могъ бы оказать какое-либо исключительное вліяніе на экономическую жизнь упомянутой волости, такъ какъ гор. Кустанай, имѣющій значительный земельный надѣлъ съ большимъ числомъ земледѣльческаго населенія, не является сколько-нибудь крупнымъ рынкомъ.

Какъ хлѣбный рынокъ, Кустанай не можетъ имѣть самостоятельнаго значенія въ силу удаленности отъ желѣзной

дороги (до Челябинска около 300 верстъ, до ст. Шумиха, Сибирской желѣзной дороги,—240 верстъ). Въ этомъ отношеніи другія волости Кустанайскаго уѣзда, какъ-то: Мендыгаринская и Киньаральская, находятся въ лучшихъ словіяхъ. Такъ, доставка хлѣба отъ гор. Кустаная до ст. Шумиха, въ разные годы, колеблется отъ 20 до 25 коп., изъ предѣловъ же Мендагаринской и Киньаральской волостей хлѣбъ везется за 10—12 к.; это уже крупная разница не въ пользу Аракарагайской волости.

Затѣмъ, землеотводныя работы раньше всего коснулись Аракарагайской волости и, слѣдовательно, ихъ вліяніе могло здѣсь сказаться болѣе сильно, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ волостяхъ; вторичное нарушеніе землепользованія, вслѣдствіе образованія дачъ единственнаго владѣнія казны, должно было это вліяніе усилить.

Изслѣдованіе было произведено по программѣ экспедиціи Щербины съ подворной переписью всего наличнаго населенія. Въ настоящемъ очеркѣ и приводятся тѣ результаты и выводы, которые дала эта перепись.

Основная перепись Аракарагайской волости, произведенная экспедиціей Щербины въ 1898 г., даетъ 1.643 хозяйства, считая и 85 хозяйствъ стороннихъ, безъ которыхъ составъ волости опредѣляется въ 1.558.

Перепись 1905 года дала общее число хозяйствъ—1.588, кромѣ того хозяйствъ отсутствующихъ 118, слѣдовательно общее число хозяйствъ въ волости равно 1.706 (безъ постороннихъ). Статистическія данныя, приводимыя ниже, относятся лишь до 1.588 кибитокъ, подвергнутыхъ подворной переписи; отсутствующія же хозяйства, конечно, на общіе выводы не могутъ оказать никакого вліянія, тѣмъ болѣе, что и экспедиціей въ расчетъ принимаемы не были.

Означенныя 1.588 хозяйствъ имѣютъ 4.940 душъ мужского пола, что составляетъ на каждое хозяйство по 3,1 душъ мужского пола и по 2,7 душъ женскаго пола, при общемъ числѣ въ 4.200 женщинъ.

Изъ сопоставленія данныхъ за оба года обслѣдованія видно, что число юртъ, этого необходимаго спутника киргизскаго хозяйства, какъ принадлежности лѣтняго кочеванія

при выпасѣ скота, осталось, повидимому, на прежнемъ уровнѣ (съ незначительнымъ увеличеніемъ); точно такъ же мало измѣнилось и общее число зимнихъ жилищъ—1.905 въ 1898 г. и 2.174—въ 1905 г. Но, вводя необходимую въ данномъ случаѣ поправку, вслѣдствіе счета экспедиціей и постороннихъ разница въ сторону увеличенія общаго числа построекъ и жилищъ выступить нѣсколько рѣзче.

	Число юртъ.	Зимовокъ деревянныхъ.	Зимовокъ земляныхъ.	Всего зимовокъ.
1898 г. . .	1.867	368	1.537	1.905
1905 „ . .	2.007	359	1.946	2.386

Увеличеніе числа зимнихъ жилищъ указываетъ на то, что послѣднія приобретаютъ все большее значеніе въ хозяйствѣ кочевника. Это заключеніе подтверждается отчасти и сопоставленіемъ съ увеличеніемъ числа юртъ,—число послѣднихъ увеличилось всего на 3%, число зимнихъ жилищъ на 20%, слѣдовательно—юрта, какъ необходимая потребность при кочевкахъ, относительно играетъ меньшую роль, чѣмъ зимнее жилище, около котораго сосредоточивается хозяйство киргиза Аракарагайской волости, по типу своему значительно приближающееся къ хозяйству земледѣльца.

Данныя о жилищахъ, являющіяся косвенными выразителями общей тенденціи къ осѣданію и переходу къ земледѣлію, находятъ полное и краснорѣчивое подтвержденіе въ цифрахъ, характеризующихъ успѣхъ земледѣлія у киргизъ Аракарагайской волости.

Средній по волости размѣръ запашки на кибитко-хозяйство въ 1905 году составлялъ 7,6 десят., при колебаніяхъ по ауламъ—съ 4,3 до 11 десят. на сѣющее хозяйство, тогда какъ въ 1898 году на хозяйство приходилось всего 2,4 дес. посѣва. Параллельныя цифры, характеризующія земледѣліе киргизъ Аракарагайской волости въ 1898 и 1905 гг., выражаются въ слѣдующей таблицѣ:

	% сѣющихъ хозяйствъ.	Дес. посѣва на 1 хозяйство.	% посѣва пшеницы.	% посѣва проса.	% посѣва овса.	Другія.
1898 г. .	72,3	2,4	61	—	—	—
1905 „ .	94	7,6	61,5	18,5	19,7	0,3

Годъ перваго статистическаго обслѣдованія (1898 г.) далъ для сосѣднихъ волостей слѣдующія величины:

Названіе волостей.	% пашу- щихъ хо- зяйствъ.	На 1 па- шущее хо- зяйство приходит- ся десят. посѣва.	На 1 хо- зяйство единицъ скота.
Дамбарская	95,4	4,8	39,4
Киньаральская	71,5	4	26
Кумакская	93	3,4	14
Карабалыкская	78,5	3	20,7
Сундукская	88,1	2,4	12,9
Бестюбинская	85,1	2,4	18,9
Мендыгаринская	67,2	2,1	16,3
Джилкуарская	85,8	2	13,9
Аракарагайская	72,3	3,3	22,4
Аракарагайская (въ 1905 г.)	94	8,3	22,5

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что въ Аракарагайской волости земледѣліемъ занимается почти все киргизское населеніе, и размѣръ запашки уже значительно превышаетъ среднюю запашку сосѣднихъ волостей. Кромѣ того изъ ниже-приведенной таблицы явствуется, что запашка Аракарагайскихъ киргизъ значительно выше, чѣмъ запашка у казаковъ и проживающихъ на казачьихъ земляхъ киргизъ.

	На 1 хозяйство въ 3 муж. души приходилось въ 1898 г.		
	десят. посѣва.	лоша- дей.	рогатаго скота.
Казачье населеніе	5,72	4,15	4,85
Киргизы, живущіе на отрубяхъ.	5,29	19,56	15,28
Аракарагайская въ 1905 г. . .	7,6	13,6	14,2

На развитіе земледѣлія у киргизъ, проживающихъ на казачьихъ земляхъ, очевидно, сильно вліяетъ близкое сосѣдство земледѣльческаго населенія, а въ Аракарагайской волости сосѣдство переселенцевъ сказалось еще рельефнѣе и по абсолютной высотѣ посѣва и по тому быстрому росту, кото-рый наблюдается за разсматриваемый періодъ.

Общераспространенное мнѣніе, поддерживаемое иногда въ печати и находящее горячихъ сторонниковъ среди мѣстной администраціи, что отчужденіе части земель подъ переселенческіе участки неизбежно должно повлечь за собою и значительное сокращеніе скотоводства и неизбежное обѣдненіе—должно встрѣтить, конечно, самое серьезное и критическое къ себѣ отношеніе, и потому всѣ тѣ признаки, которые могутъ указывать на паденіе благосостоянія, должны быть самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдованы. Поэтому въ настоящемъ очеркѣ придается особенно важное значеніе сопоставленію данныхъ о благосостояніи за оба года изслѣдованія—1898 г. основнаго и 1905 г. повторнаго обслѣдованія.

Нижеслѣдующая параллельная таблица даетъ полную картину положенія скотоводства за оба года изслѣдованія. Выводъ изъ этой таблицы нагляднымъ образомъ опровергаетъ ту общепринятую точку зрѣнія, что все благосостояніе киргизъ заключается въ скотѣ и зиждется исключительно или почти исключительно на скотоводствѣ, которое съ развитіемъ земледѣлія должно падать.

Годъ пере- исп.	Лошадн.			Рогатый скотъ.							Всего		
	Жере- бятъ.	2-хъ лѣтъ.	Лоша- дей въ пере- водѣ на круп- ныя.	Телятъ.	2-хъ лѣтъ.	Стар- ше 2-хъ лѣтъ.	Всего рогата- го въ перево- дѣ на круп- ныя.	Верблю- довъ.	Овецъ и козъ.	Всего Овецъ и козъ скота въ пе- реводѣ на круп- ный.			
1898 г. . .	2.990	2.081	23.579	20.045	5.322	3.036	13.336	10.587	478	31.907	5.318	35.428	69.300
1905 " . .	2.859	2.549	21.635	17.977	6.052	3.380	22.562	13.191	524	24.807	4.134	35.826	69.528

Въ 1905 г.

Въ 1905 г.

$$\left. \begin{array}{l} \% \text{ больше} + \\ \% \text{ меньше} - \end{array} \right\} -5\% + 22\% - 8,2\% - 10\% + 13\% + 1\% + 69\% + 24\% + 9\% - 22\% - 22\% + 1\% + 0,3$$

Изъ таблицы видно, что общее число головъ скота осталось почти безъ измѣненія, точно также и общее число „единицъ“, такъ какъ увеличеніе на 1% слишкомъ незначительно, чтобы придавать этому какое-либо значеніе, но въ самомъ составѣ стадъ произошли чрезвычайно крупныя измѣненія. Абсолютное число головъ лошадей уменьшилось на 10%, но зато на 69% увеличилось число головъ рогатаго скота и на 22% сократилось число головъ овецъ; переведя скотъ на „единицу“, т. е. на крупную лошадь мы будемъ имѣть: сокращенное число лошадей на 10% и овецъ на 22% и увеличеніе количества рогатаго скота на 24%—чрезвычайно рѣзкое и характерное измѣненіе въ сторону осѣдлаго скотоводства.

Такимъ образомъ коневодъ, какимъ обычно представляется киргизъ, дѣлается скотоводомъ, и въ хозяйствѣ приобретаетъ преимущественное значеніе тотъ видъ скота, сила котораго по мѣстнымъ условіямъ находитъ примѣненіе при обработкѣ почвы.

По абсолютному числу головъ въ 1898 г. первое мѣсто занимали овцы, затѣмъ лошади, рогатый скотъ стоялъ на послѣднемъ мѣстѣ, составляя всего 12%; въ 1905 году, по абсолютному числу головъ, на послѣднемъ мѣстѣ стояли уже лошади, а численность головъ рогатаго скота поднялась съ 12% до 32,4. Для столь малаго промежутка времени, какъ 7 лѣтъ, такое измѣненіе является чрезвычайно крупнымъ и не можетъ быть объяснено какими-либо случайными причинами, какъ на примѣръ массовымъ падежемъ, котораго въ этотъ періодъ не было, или повальными выкидышами, которые могли бы значительно сократить численность извѣстнаго возраста какого-либо вида скота. Общій итогъ по волости и число головъ и „единицъ“, приходящихся на каждую кибитку, указываютъ также, что измѣненіе въ составѣ стадъ не вызвано какими-либо тяжелыми или неблагоприятными условіями или явленіями, подъ вліяніемъ которыхъ могло измѣниться соотношеніе; въ такомъ случаѣ это сокращеніе повлекло бы за собою и общее сокращеніе числа головъ. Очевидно, здѣсь наблюдается вполне нормальное экономическое явленіе.

Приведенныя выше данныя относительно общаго количества скота показываютъ, что, вслѣдствіе изыятія земель подъ переселенческіе участки, несмотря на сравнительную значительность отчужденной площади, размѣръ скотоводства, въ общемъ, не упалъ, а остался на прежнемъ уровнѣ, при чемъ богатство въ скотѣ распредѣлялось между аулами слѣдующимъ образомъ:

№№ ауловъ.	Головъ скота въ аулахъ.							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1898 г. . .	7.859	3.094	6.059	2.400	4.401	3.697	2.828	3.949 крупн. 8.906 мелк.
						6 и 10*)	8 и 9*)	
1905 г. . .	8.250	3.547	5.913	2.691	4.187	4.253	2.970	4.049 крупн. 3.326 мелк.
№№ ауловъ.	Единицъ скота въ аулахъ.							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1898 г.	8.408	3.140	6.361	2.434	4.734	4.390	3.023	3.666
						8 и 9*)	6 и 10*)	
1905 „	8.405	3.446	5.945	2.578	4.221	4.206	3.112	4.008
Въ 1905 г.:								
больше +		0%	+8%	—6%	+6%	—10%	—4%	+3%
меньше —						—5%		—9%
Сокращена площадь въ % къ								
1898 г.	36%	11%	15%	0	1,7	4	3	16%
Включая общій весенникъ								
						—43%		

Изъ сопоставленія цифровыхъ данныхъ этихъ таблицъ видно, что измѣненія въ размѣрахъ скотоводства находятся внѣ всякой зависимости отъ произведенныхъ изыятій, и что

*) Къ 1905 году аулъ № 6 раздѣлился на №№ 6 и 10 и аулъ № 8—на аулы №№ 8 и 9. Въ пользованіи ауловъ №№ 5, 8 и 7, кромѣ призимовочной площади, находится и весенникъ, изъ котораго произведено изыятіе около 64.000 дес.

Къ сожалѣнію, экспедиціею Щербины матеріалы были разработаны не по общему количеству единицъ скота, а по лошадамъ, каковой признакъ не является характернымъ для Аракарагайской волости, гдѣ общее благосостояніе въ скотѣ и даже количество рогатаго скота является болѣе характернымъ признакомъ, поэтому полного сопоставленія группъ различного обезпеченія, выраженного въ общемъ количествѣ скота, произведено быть не можетъ. Однако, принимая во вниманіе отмѣченное выше сокращеніе коневодства, можно съ увѣренностью сказать, что за разсматриваемый періодъ измѣненій въ сторону обѣднѣнія вообще и отдѣльныхъ группъ не произошло. Сократилось число безлошадныхъ и группы, имѣющія свыше 6 лошадей, за счетъ которыхъ увеличилась группа, имѣющая отъ 2 до 5 лошадей.

Отмѣченнымъ измѣненіямъ едва ли можно придавать большое значеніе въ смыслѣ нивелировки благосостоянія хозяйственныхъ группъ; эти измѣненія слишкомъ незначительны и, вѣроятно, не имѣютъ самостоятельнаго значенія, а находятся въ зависимости отъ измѣнившихся системъ и формы хозяйства, но они показываютъ, что коренной ломки и коренныхъ измѣненій въ распредѣленіи богатства въ скотѣ не произошло, и ни одна изъ группъ не оказалась въ условіяхъ, ее подавляющихъ, которыя заставили бы перейти въ слѣдующій низшій разрядъ.

Чрезвычайно важнымъ вопросомъ является вопросъ объ обезпеченіи скота кормами, и потому параллельныя цифры въ этомъ отношеніи представляютъ значительный интересъ.

	Число хозяйствъ, косившихъ сѣно.	°/охоз., шихъ сѣно.	На своей землѣ накошено коней.		Куплено коней.		Потреблено сѣна.	
			Всего.	На 1 хозяйство.	Всего.	На 1 хозяйство.	Всего.	На 1 хозяйство.
1898 г.	1.484	90°/о	78.755	53	35.580	56	114.036	69
1905 "	1.502	94°/о	189.118	125	50.653	79	239.771	150

скотоводство за семилѣтній періодъ не упало, а если судить о благосостояніи населенія по этому признаку, то и благосостояніе и обезпеченность не подверглись никакимъ измѣненіямъ. Приведенныя данныя не говорятъ еще о распредѣленіи благосостоянія: то или иное богатство аула, какъ административной единицы, не отвѣчаетъ еще на вопросъ о распредѣленіи благосостоянія между массой населенія. Семилѣтній періодъ самъ по себѣ и измѣненія въ площади землепользованія, вслѣдствіе изытія земель подъ переселенческіе участки и предполагаемое нарушеніе установившагося десятилѣтними строемъ хозяйства — все это могло такъ или иначе отразиться на дифференціаціи. Могло или затронуть богатей и ихъ свести до уровня рядового киргиза, могло также особенно сильно затронуть „средняго“ хозяина и дать еще большую власть богачу, могло, наконецъ, низвести до степени полной кабалы наименѣе обезпеченную часть населенія—ту часть, у которой состояніе въ скотѣ было ниже средняго. Общія разсужденія не давали до сихъ поръ на вопросы отвѣта, постараемся найти отвѣтъ въ цифрахъ.

	Везъ лоша-ди.	Везъ рогат. скота.	Везъ вер. оленя и козъ.	Везъ лоша-ди.	Съ 1 лош.-дво.	Съ 2-мя до-сти	6—10	11—25	25—50	50 и болѣе.
1898 г.	4	35	1.513	850	39	209	609	327	291	91
1905 г. безъ постороннихъ	8	18	1.504	851	18	187	687	295	275	78
1905 г. съ посторонними	8	20	1.593	926	18	213	742	306	281	82
										50
Въ °/о эта таблица получаетъ слѣдующій видъ.										
1898 г.	—	—	—	—	2,37°/о	12,9°/о	37,75°/о	20,1°/о	17,92°/о	8,96°/о
1905 г.	—	—	—	—	1°/о	12,5°/о	43,7°/о	18°/о	17°/о	8°/о

Такимъ образомъ за семилѣтній періодъ потребление сѣна увеличилось вдвое, какъ въ абсолютныхъ величинахъ, такъ и въ относительныхъ на каждое хозяйство. При этомъ необходимо отмѣтить, что уборка сѣна возросла на 141%, а покупка всего на 41%. Это явленіе въ извѣстной степени служить показателемъ, что въ распредѣленіи землепользованія не произошло такихъ измѣненій, которыя заставили бы часть населенія перейти къ покупкѣ сѣна взамѣнъ собственнаго сѣнокошенія. Въ общемъ заготовка сѣна удвоилась, и каждое хозяйство стало располагать вдвое большимъ количествомъ, что, конечно, должно отразиться на большей устойчивости скотоводства, но, къ сожалѣнію, въ данныхъ экспедиціи не имѣется указанія на размѣръ потери скота; для 1905 года мы имѣемъ слѣдующія величины:

Число хозяйствъ.	Потеряно.	Хозяйства, потерявш. рабочий скотъ.	Потеря.	Хозяйства, потерявш. овецъ и козъ.	Утеряно.	Всего утеряно головъ.
544	1.791	470	1.124	240	2.067	4.982

что въ процентномъ отношеніи ко всему скоту составитъ около 7%; сюда входятъ случаи падежа, покражи, уничтоженія хищными животными. Собственно падежи, при сильно развитыхъ покражахъ и большомъ распространеніи волковъ, съ которыми ведется борьба при помощи стрихнинныхъ пилюль, едва ли превышаютъ 3,5%.

Прослѣдимъ то назначеніе, которое получаетъ содержимый скотъ: а) какъ предметъ собственнаго потребления, б) какъ предметъ продажи. Въ данномъ случаѣ наиболѣе интересны были бы опять параллельныя данныя за оба года обслѣдованія, но, къ сожалѣнію, полныхъ данныхъ по цѣлой волости получить невозможно, такъ какъ потребление экспедиціею было разработано не по волостямъ, а по районамъ; поэтому воспользуемся, для сравненія съ нашими данными по волости, данными экспедиціи по 8 району, въ который вошли 1.400 кибитокъ (изъ 1.643)—число достаточно большое для того, чтобы получить сравнимыя данныя:

Зарѣзано въ согумъ (заготовка на зиму).

	Крупныхъ лошадей.	Крупн. ро- гат. скота.	Вер- блуд.	Овецъ и козъ.	Всего въ переводѣ на крупн.	На хозяй- ство.
1898 г.						
для 1.400 хозяйствъ . .	1.106	1.442	4	2.555	2.737	1,96
1905 г.						
для 1.587 хозяйствъ . .	1.935	1.774	25	2.582	3.761	2,39

Слѣдовательно, потребление мяса увеличилось на 21%—это краснорѣчивое показаніе общаго благосостоянія, такъ какъ бѣднѣющее населеніе не можетъ позволять себѣ роскоши въ увеличеніи потребления и въ улучшеніи питанія.

Для нашего крестьянства мы имѣемъ сплошныя указанія о недоѣданіи, и нигдѣ не встрѣчаемъ указаній на прогрессирующее улучшение питанія; потребление мяса у крестьянъ въ большинствѣ случаевъ можетъ быть даже разсматриваемо, какъ нѣкотораго рода роскошь.

Здѣсь не бралось для сравненія мясо (преимущественно овецъ и козъ), потребленное въ другое время, для котораго получается еще болѣе ростъ потребления, вызываемый, вѣроятно, отчасти сокращеніемъ коневодства, и, слѣдовательно, уменьшается количество кумыса, являющагося однимъ изъ главныхъ продуктовъ питанія въ лѣтнее время.

Въ 1898 году изъ 1.400 хозяйствъ VIII района было зарѣзано въ 617 хозяйствахъ—т. е. 44%,—1.636 головъ овецъ и козъ, т. е. нѣсколько болѣе двухъ головъ на хозяйство; въ 1905 г. рѣзало скотъ не въ согумъ уже 1.051 хозяйство (66%) изъ 1.688, и ими зарѣзано 7.808 овецъ и козъ, т. е. по 3 головы на хозяйство, т. е. лѣтнее потребление мяса возросло и абсолютно и относительно.

Какъ предметъ продажи и, слѣдовательно, денежнаго дохода, скотъ въ 1905 году имѣлъ значеніе для 61% всѣхъ хозяйствъ, которыми продано всего 5.962 головы, изъ нихъ крупнаго скота—лошадей 1.392, рогатаго 2.168 головъ и 212 головъ двухлѣтокъ, овецъ продано 2.137, причемъ овцы продавались всего 191 хозяйствомъ, т. е. всего 12%.

Каждое изъ продававшихъ хозяйствъ отчудило, слѣдовательно, по 3,6 головъ крупнаго скота, что, при средней цѣнѣ въ 30 руб. за голову крупнаго скота, цѣнѣ, далеко не увеличенной, составитъ болѣе 100 руб. на хозяйство.

Всѣ сопоставленія за оба года изслѣдованія приводятъ къ одному выводу, что хозяйство киргизъ Аракарагайской волости развивается и крѣпнетъ. Этимъ достаточно опровергаются всѣ опасенія, что киргизское хозяйство въ земледѣліи найдетъ свою гибель и что введеніе русскаго элемента заставитъ привычнаго скотовода сократить свои стада, или передвинуться на югъ, чтобы сберечь свой скотъ и сберечь свое единственное, яко бы, богатство. Дѣйствительность показала другое: архаическая форма хозяйства замѣняется новой, болѣе интенсивной, и земельное богатство полнѣе используется.

„Если крестьянская колонизація повсемѣстно дѣйствуетъ въ такомъ направленіе, хотя бы и не въ столь замѣтной степени, пишетъ П. Хворостанскій, многіе годы проработавшій въ киргизской степи надъ изученіемъ киргизскаго вопроса *), то сознательные элементы киргизскаго народа должны быть благодарны колонизаціи потому, что собственная ихъ исторія не выдвинула болѣе вліятельнаго культурнаго фактора, способнаго поднять народное благосостояніе“.

Сторонники пастушескаго быта, готовые умиляться при видѣ безпризорно бродящихъ стадъ, могутъ оплакивать тѣ времена, когда весь трудъ хозяина заключался въ доеніи кобылицъ, рѣзаніи барановъ и варкѣ мяса, т. е. когда хозяинъ жилъ исключительно на счетъ работы челюстей своихъ животныхъ, но нельзя серьезно отстаивать неприкосновенность втунѣ лежащихъ земель и сохраненіе простора: земля слишкомъ дорога, слишкомъ велика въ ней нужда, чтобы можно было расточать земельныя богатства.

Въ настоящемъ дѣлѣ существенно важно разсматривать вопросъ и оперировать съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. Основами государства являются два принципа:

справедливость и культура. Государство имѣетъ своимъ призваніемъ насажденіе и охраненіе высшей справедливости и развитіе культуры среди составляющихъ его народовъ. Съ точки зрѣнія этихъ основныхъ принциповъ государственнаго бытія, киргизское населеніе имѣетъ право на полное земельное обезпеченіе, соотвѣтствующее его дѣйствительнымъ потребностямъ, и справедливость требуетъ удовлетворить его въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, культурныя задачи государства повелѣваютъ неукоснительно использовать всѣ излишки земель, остающіеся за удовлетвореніемъ дѣйствительныхъ потребностей киргизскаго населенія, съ наиболѣе производительными хозяйственными цѣлями, отнюдь не давая оставаться имъ втунѣ. А подобное оставленіе значительныхъ земельныхъ площадей въ непроизводительномъ состояніи, нарушающее одну изъ коренныхъ государственныхъ основъ, непремѣнно имѣло бы мѣсто, если бы излишнія для киргизъ въ ихъ современномъ состояніи земли не были изъяты изъ ихъ номинальнаго пользованія, съ обращеніемъ этихъ площадей въ пользованіе реальное и, слѣдовательно, культурно-полезное.

*) Киргизскій вопросъ въ связи съ колонизаціей степи. „Вопросы колонизаціи“ № 1, стр. 86.

Землеустройство киргизъ въ связи съ колонизаціей степи.

Въ основаніе постановленій, опредѣляющихъ поземельное устройство кочевого населенія степныхъ областей (ст. 119-130 Степного Положенія, изд. 1891 г.), положено то общее начало, что всѣ земли, занимаемыя кочевьями, признаются государственною собственностью и предоставляются кочевникамъ лишь въ безсрочное общественное пользованіе, причемъ могущій оказаться для нихъ излишекъ поступаетъ въ вѣдѣніе Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія (примѣч. 1 къ ст. 120). Этимъ путемъ ограждаются права государства на всю обширную территорію степныхъ областей.

При обсужденіи указанныхъ статей Степного Положенія среди членовъ Государственнаго Совѣта возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли, подчинивъ все дѣло поземельнаго устройства кочевого населенія органамъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, опредѣлить ближе то количество земли, которое имѣетъ быть въ настоящее время уступлено въ пользованіе кочевниковъ, сообразно ихъ дѣйствительнымъ потребностямъ, и тѣмъ самымъ выяснить излишекъ, который долженъ поступить въ распоряженіе Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Находя это предположеніе, въ существѣ, вполне основательнымъ, Государственный Совѣтъ усмотрѣлъ, однако, что „къ приведенію его въ исполненіе встрѣчаются въ настоящее время почти неодолимые затрудненія. При неопредѣленности характера передвиженія кочевыхъ инородцевъ, переходящихъ не только изъ предѣловъ одной области въ другую, но и выкочевывающихъ иногда даже за границы русскихъ владѣній, и при неточной еще до сихъ поръ извѣстности самага

пространства степныхъ областей, въ которыхъ до сего времени не приступлено къ межевымъ работамъ, включеніе въ законъ какихъ-либо точно опредѣленныхъ указаній относительно отвода для кочевья туземцевъ земельныхъ угодій представляется невозможнымъ. Признавая засимъ безспорнымъ, что надзоръ за поземельнымъ устройствомъ кочевниковъ долженъ принадлежать Министерству Государственныхъ Имуществъ, Государственный Совѣтъ замѣтилъ, что надзоръ этотъ не можетъ въ настоящее время осуществиться, за отсутствіемъ въ степномъ краѣ необходимыхъ для того органовъ названнаго Министерства. Поэтому, лишь въ будущемъ, съ учрежденіемъ означенныхъ органовъ, по мѣрѣ развитія ихъ дѣятельности, и съ завершеніемъ въ областяхъ межевого дѣла, получатся тѣ матеріалы, на основаніи которыхъ можно будетъ приступить къ окончательному разрѣшенію возбужденныхъ вопросовъ. Въ настоящее же время по необходимости приходится ограничиться тѣми общими опредѣленіями поземельныхъ правъ казны и киргизовъ, которыя изложены въ ст. 119 и 120 Положенія“.

Производимыя нынѣ въ киргизской степи землеотводныя работы, исключительно въ переселенческихъ цѣляхъ, ведутся въ порядкѣ Выс. утв. 12 Апрѣля 1904 г., 14 Февраля 1905 г., и 2 Января 1906 г. правилъ объ образованіи переселенческихъ участковъ въ степныхъ областяхъ и примѣчанія къ ст. 120, на основаніи тѣхъ нормъ земельного обезпеченія киргизскаго населенія, которыя были выработаны въ концѣ девяностыхъ годовъ особой статистической экспедиціей, подъ руководствомъ статистика Щербины.

Эти статистическія свѣдѣнія были первымъ научнымъ матеріаломъ, дававшимъ представленіе о характерѣ землепользованія и хозяйства киргизъ, о которыхъ до того имѣлись только отрывочныя и часто противорѣчивыя показанія случайныхъ путешественниковъ да крайне поверхностныя донесенія чиновъ мѣстной администраціи.

Наиболѣе слабой стороною трудовъ экспедиціи Щербины является естественно-историческое обследованіе занимаемой киргизами территоріи. Описаніе естественно-историческихъ условій различныхъ районовъ составлено, главнымъ образомъ, на

основаніи опроса самихъ киргизъ и дополнялось впечатлѣніями и наблюденіями статистиковъ.

Неувѣренность въ точности собраннаго матеріала и вполне естественная осторожность въ столь сложномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ установленіе земельныхъ нормъ для впервые изучаемаго полукочевого киргизскаго хозяйства, заставили экспедицію Щербины выработать очень широкія нормы оставляемыхъ въ пользованіи киргизъ земельныхъ пространствъ. Для Актюбинскаго уѣзда, Тургайской области эти нормы колеблются отъ 123 до 168 дес. на 1 кибитку-хозяйство, для Кустанайскаго уѣзда той же области отъ 144 до 360 десятинъ, а въ Акмолинской области доходитъ до 550 десятинъ. Не чужда, конечно, эта работа и частныхъ ошибокъ, когда для лучшихъ по естественнымъ условіямъ раіоновъ, были установлены болѣе широкія нормы, чѣмъ въ раіонахъ значительно болѣе худшихъ, и наоборотъ.

Между тѣмъ кочевой бытъ киргизъ измѣняется въ сторону перехода къ осѣдлому состоянію и этотъ процессъ осѣданія киргизъ, въ силу экономическихъ факторовъ, годъ изъ году усиливается и даетъ быстро возрастающій процентъ осѣдлыхъ киргизовъ. А это послѣднее явленіе въ свою очередь, естественно понижаетъ средніе размѣры потребностей киргизъ въ землѣ, такъ какъ при земледѣльческомъ хозяйствѣ, норма средняго размѣра земельного обезпеченія двора значительно понижается по сравненію съ нормой скотоводческо-кочевой. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что указанныя нормы рассчитаны экспедиціей съ запасомъ, въ расчетѣ на могущее быть развитіе кочевого хозяйства. О размѣрахъ такого запаса можно судить по тому, что во многихъ уѣздахъ экспедиція брала для вывода земельныхъ нормъ не дѣйствительное, а сознательно повышенное количество скота въ среднемъ киргизскомъ хозяйствѣ, на примѣръ, 24 головы вмѣсто 17—19 и т. п. Кромѣ того экспедиція не принимала въ расчетъ кормленіе скота сѣномъ и дѣлала полный расчетъ на пастбищныя нормы, снова такимъ образомъ увеличивая нормы экспедиціи противъ дѣйствительной потребности.

При всемъ томъ, въ видахъ осторожности, при самомъ изыятіи изъ пользованія киргизъ излишнихъ земель

подъ переселенческіе участки бралась лишь незначительная часть этихъ излишковъ. Такъ, на примѣръ, въ лучшемъ въ колонизаціонномъ отношеніи Кустанайскомъ уѣздѣ, въ сѣверной его части, гдѣ земельные излишки исчислены въ 2½ мил. дес., взято подъ переселенческіе участки всего около 800 тысячъ десятинъ, и эта часть нынѣ уже считается закрытой для землеотводныхъ работъ. Такимъ образомъ, въ *номинальномъ* пользованіи киргизъ послѣ работъ по образованію переселенческихъ участковъ остаются вполне пригодные для земледѣлія миллионные излишки, не оправдываемые нуждами киргизъ.

Между тѣмъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, подлежащая эксплуатація всей государственной территоріи, при остромъ малоземельи огромной части земледѣльческаго населенія страны, является вопросомъ, требующимъ немедленнаго разрѣшенія.

Переселенія—этого народнаго движенія, построеннаго чисто на экономическихъ причинахъ—остановить нельзя.

Въ то же время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тамъ, гдѣ окажется возможнымъ затапываемую нынѣ скотомъ землю обратить подъ земледѣльческую культуру, это такъ или иначе, и при томъ въ весьма недалекомъ будущемъ, совершится само собой.

Осядетъ ли самъ киргизъ на пашню, займетъ ли эти земли хлѣборобъ-крестьянинъ, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства—вопросъ второстепенный, важно указать, что киргизское скотоводческое хозяйство на черноземѣ бокъ-о-бокъ съ крестьянскими надѣлами на долго сохранить нельзя.

Если сейчасъ налоговое бремя киргиза, въ переводѣ на землю, въ 7-8 разъ меньше крестьянской оброчной подати, то вѣдь это будетъ не всегда: цѣна на землю въ степи подъ вліяніемъ переселенія растетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выдвигается самъ собой вопросъ о наивыгоднѣйшемъ извлеченіи изъ нея доходовъ.

Если-гдѣ нибудь въ Полтавской губерніи нельзя сейчасъ заниматься кочевнически-скотоводческимъ хозяйствомъ, то то же должно произойти въ недалекомъ будущемъ на лучшихъ земляхъ и въ киргизской степи.

√ Все это вмѣстѣ взятое ставитъ на очередь вопросъ о пересмотрѣ выработанныхъ экспедиціей Щербины нормъ земельного обезпеченія киргизъ для выясненія возможности пониженія ихъ.

Если принять во вниманіе недостаточность примѣннаго экспедиціей Щербины естественно-историческаго обслѣдованія киргизской территоріи, неточность примѣненныхъ ею методовъ опредѣленія площадей, необходимыхъ въ томъ или другомъ районѣ для прокормленія единицы скота *), крайнюю осторожность при выработкѣ нормъ, всѣ тѣ надбавки, которыя сдѣланы на выработанныя нормы, и всѣ тѣ новыя свѣдѣнія относительно природы степей, хозяйственныхъ и социальныхъ отношеній киргизъ, которыя накопились у землеотводныхъ партій,—то постановка на очередь вопроса о пересмотрѣ нормъ экспедиціи Щербины является вполне естественной и своевременной.

Но въ то же время работы землеотводныхъ партій показали, что изытіе земельныхъ излишковъ на основаніи признанія всей занимаемой киргизами территоріи государственной собственностью и при оставленіи въ пользованіи киргизъ земельныхъ пространствъ, которыя также продолжаютъ считаться *казенными землями, находящимися лишь во временномъ пользованіи киргизъ*, вносятъ въ киргизскую среду слишкомъ большое безпокойство и неуверенность въ прочности владѣнія на оставляемое у нихъ въ настоящее время земельное пространство.

Тревожныя и враждебныя отношенія киргизъ къ ведущимся на вышеизложенныхъ основаніяхъ землеотводнымъ работамъ обостряются въ настоящее время болѣе сознательнымъ отношеніемъ киргизъ къ своимъ преимущественнымъ правамъ на занимаемую территорію и опасеніемъ, что и въ будущемъ изъ земель, оставленныхъ въ ихъ пользованіи, снова повторятся изытія.

Если при томъ широкомъ обезпеченіи интереса и потребностей примитивнаго полукочевого хозяйства киргизъ, которое предусматривалось нормами экспедиціи Щербины, земле-

*) Весь скотъ, по особымъ коэффициентамъ, переводится на взрослую лошадь.

отводныя работы въ степи возможно было вести, не касаясь земельныхъ отношеній среди самихъ киргизъ и не безпокаясь за тѣ послѣдствія, которыя они могли имѣть для нихъ, то болѣе или менѣе значительное пониженіе этихъ нормъ уже ставитъ на очередь вопросъ объ установленіи болѣе прочныхъ основаній на владѣніе землею различныхъ группъ киргизскаго населенія. Такимъ образомъ, вопросъ о пересмотрѣ нормъ экспедиціи Щербины переводится на вопросъ о предварительномъ землеустройствѣ самихъ киргизъ.

Но землеустройство киргизъ будетъ играть роль въ увеличеніи землепользованія крестьянскаго населенія Европейской Россіи только въ томъ случаѣ, если значительная часть киргизскаго населенія будетъ устроена по земледѣльческой нормѣ.

Устройство киргизъ по земледѣльческой нормѣ находится въ соотвѣтствіи какъ съ климатическими и почвенными условіями сѣверныхъ уѣздовъ киргизской территоріи, достаточно благопріятствующими земледѣлію, такъ и со степенью развитія земледѣлія у киргизъ этихъ уѣздовъ. Въ сѣверной части Кустанайскаго уѣзда киргизы распахиваютъ, въ среднемъ, на 1 кибитку-хозяйство по 4 дес. (по даннымъ 1898 г.), въ Актюбинскомъ уѣздѣ, въ восточной части—по 4,2 дес., въ западной—по 8 дес. (по даннымъ 1898 г.) и въ Уральскомъ уѣздѣ—по 9 дес. въ западной и по 15 дес.—въ восточной, не считая Джиренькупинской волости (по даннымъ 1904 и 1905 гг.).

При этомъ землеустройство киргизъ отнюдь не противорѣчитъ и интересамъ самого киргизскаго народа. Напротивъ того, экономическіе интересы отдѣльныхъ классовъ киргизскаго населенія—70—80 %, имѣющихъ до 10 единицъ скота, и болѣе заинтересованныхъ въ развитіи земледѣлія, чѣмъ недоступнаго по ихъ экономическому состоянію скотоводства, и 20-30 % богачей, ведущихъ полукочевое скотоводство—настолько противорѣчивы, что въ настоящее время уже не могутъ регулироваться устарѣвшимъ Степнымъ Положеніемъ 1868 г. (изд. 1891 г.), согласно которому находящаяся въ общинномъ владѣніи земель киргизы пользуются по „благосостоянію“. Благодаря такой юридической нормѣ, на прак-

тикъ получается, что оставляемая при образованіи переселенческихъ участковъ въ пользованіи каждой группы площадь земли фактически находится во владѣніи богатыхъ скотоводовъ, примитивное скотоводство которыхъ и сдача ими въ аренду земель общаго пользованія находятся въ противорѣчій съ развитіемъ земледѣлія и общими интересами основной массы киргизскаго народа.

Въ то же самое время, съ общеправовой точки зрѣнія, государство имѣетъ полное право на такое урегулированіе землепользованія отдѣльныхъ группъ населенія страны, при которомъ, безъ особеннаго ущерба для экономическаго положенія какой-либо изъ этихъ группъ, является возможность поставить въ лучшія условія тѣ группы населенія, которыя въ этомъ въ высшей степени нуждаются. Право государства обращается въ обязанность, если такой группой, какъ въ данномъ случаѣ, является многомилліонная масса русскаго крестьянства.

Въ послѣднее время всѣ эти теченія мысли начали выражаться въ одномъ общемъ признаніи неотложной необходимости поземельнаго устройства киргизъ.

Въ этомъ смыслѣ высказываетъ пожеланіе первый областной земскій съѣздъ въ Харьковѣ по переселенческому дѣлу, объ этомъ ходатайствуютъ сами киргизы, на ту же точку зрѣнія становится и мѣстная администрація степныхъ областей.

Но эта внѣшняя солидарность взглядовъ на землеустройство киргизъ превращается въ полярныя противоположности съ того момента, какъ мы начнемъ сопоставлять представленія о землеустройствѣ какъ самихъ киргизъ съ представленіемъ по этому вопросу Членовъ Харьковскаго Съѣзда, такъ и одной части киргизскаго народа съ другой его частью.

Въ то самое время, когда Харьковскій Съѣздъ, признавая за переселеніемъ первостепенное государственное значеніе, въ цѣляхъ устраненія для развитія его противодѣйствія со стороны туземцевъ, высказывается за необходимость землеустройства киргизъ по земледѣльческимъ нормамъ, сами киргизы, по преимуществу представители имущественной

аристократіи степи, представляютъ себѣ землеустройство, какъ это вылилось въ протоколахъ совѣщанія при Степномъ Генераль-Губернаторѣ, въ слѣдующемъ видѣ. Маленькіе русскіе поселки должны быть приселены къ большимъ и образовавшимся такимъ образомъ значительныя селенія должны быть окопаны рвами. Остальную же землю оставить безъ всякаго передѣла въ пользованіи самихъ киргизъ, которые уже сами знаютъ, какъ должны распредѣляться эти пространства между ними.

„Закроемъ колонизацію, получимъ всю землю въ собственность и будемъ жить по обычаю“—вотъ программа по земельному вопросу, которую 20% киргизскихъ богачей-воротилъ стараются провести въ жизнь, игнорируя стремленія и желанія малосознательныхъ осѣдлыхъ киргизъ и бѣдныхъ кочевниковъ, умалчивая въ то же время о тѣхъ мѣрахъ, какія необходимо предпринять для того, чтобы эта жизнь по обычаю была выгодна 80% киргизскаго народа, а не однимъ только богачамъ. А въ это самое время въ ходатайствахъ осѣдлыхъ киргизъ и киргизской бѣдноты звучатъ уже другія слова: „что намъ кочевники? намъ русскій ближе, чѣмъ они“. Эта часть киргизскаго народа съ радостью готова сѣсть на переселенческіе надѣлы, но она тѣсными экономическими и социальными узами связана съ богатыми киргизами, безъ разрѣшенія которыхъ она не можетъ сдѣлать въ степи ни одного шага...

Поэтому предъ правительствомъ лежитъ прямая задача расширить программу своего вмѣшательства въ степныя отношенія и гарантировать этому вмѣшательству большую гуманность и плодотворность, избавить степь отъ несоотвѣтствія отжившихъ и отживающихъ традицій и обычаевъ потребностямъ пробивающаго себѣ путь новаго хозяйственнаго строя. Это—съ одной стороны.

А, съ другой стороны, предъ правительствомъ стоитъ не менѣ трудная задача согласовать интересы киргизской степи и центральной Россіи, какъ колоніи съ метрополіей.

Та и другая задачи могутъ получить правильное законодательное разрѣшеніе лишь съ точки зрѣнія *общей государственной справедливости*, подъ которой въ данномъ случаѣ

следуетъ понимать *твердую волю законодателя устанавливать такія правила, обусловленные дѣйствительностью, которыя соотвѣтствуютъ представленіямъ о высшей социальной жизни.*

Какихъ же нормъ для своего свободного осуществленія требуютъ прогрессирующія начинанія киргизской степи въ области земельных распоряжковъ и согласованія ихъ съ задачами, диктуемыми интересами населенія внутренней Россіи?

Для того, чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, необходимо, хотя бы въ краткихъ чертахъ, представить себѣ условія киргизскаго хозяйства и землепользованія и ихъ эволюцію за послѣднее время.

Почвы степныхъ областей Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской характеризуются тѣмъ, что на сѣверѣ степной равнины указанныхъ областей сгруппированы лучшія земли съ разнообразной и сравнительно богатой растительностью и водными источниками, тогда какъ югъ этой равнины пестритъ солонцами и часто даже представляетъ изъ себя сплошныя песчаныя равнины.

Въ зависимости отъ отмѣченной особенности территоріи четырехъ названныхъ областей опредѣлился издавна и характеръ землепользованія кочевавшихъ по этой территоріи киргизъ: зиму кочевники проводили на югѣ, гдѣ снѣгу мало, а лѣтомъ откочевывали въ цвѣтушія, обильныя кормомъ и водою сѣверныя степи. Обиліе подножнаго корма избавляло кочевниковъ отъ необходимости заботиться о кормовыхъ запасахъ на зиму, а возможность зимовать на югѣ, въ сравнительно теплыхъ мѣстахъ, позволяла обходиться безъ постоянныхъ жилищъ, довольствуясь круглый годъ одной и той же переносной войлочной юртой.

При этомъ, въ виду постоянно волновавшихъ степь раздоровъ и междоусобій, ближайшіе родичи и во время пути, и во время стоянокъ, зимой и лѣтомъ, естественно старались держаться вмѣстѣ, чтобы быть во всякую данную минуту готовыми отразить врага общими силами. Пораженіе въ такой схваткѣ было равносильно почти полному разоренію для данной родовой группы, такъ какъ главная цѣль нападенія состояла въ томъ, чтобы угнать у побѣжденныхъ, по возмож-

ности, весь наличный скоть,—единственное цѣнное достояніе *каждаго кочевника.*

„Отдѣльные кочевые аулы, состоящіе обыкновенно изъ двухъ-пяти кибитокъ и составляющие, въ сущности, одну большую семью, путешествуя на протяженіи сотенъ верстъ по безлюднымъ и дикимъ мѣстностямъ, естественно должны были придерживаться тѣхъ путей, гдѣ они чаще могли встрѣтить или настигнуть своихъ родственниковъ, которые, въ случаѣ какой-либо опасности нападенія крупныхъ хищниковъ или грабителей изъ другихъ ордъ или племенъ, могли бы оказать помощь или защиту; при обширныхъ пространствахъ, находившихся нѣкогда въ пользованіи кочевого населенія, и при относительной ничтожной численности его, интересы всѣхъ и *каждаго* заставляли поддерживать родственныя связи, какъ единственное средство самозащиты“ *).

Во избѣжаніе излишнихъ поводовъ возможныхъ столкновеній, кочевые роды уже издавна должны были придерживаться, по возможности, однихъ и тѣхъ же путей и урочищъ на зимнихъ и лѣтнихъ стоянкахъ. Такимъ образомъ, у *каждаго* рода и получалось, въ концѣ концовъ, своя сфера вліянія, въ видѣ длинной, протянувшейся съ сѣвера на югъ, полосы степи — „мангдай“. Конечно, у болѣе сильныхъ и вліятельныхъ родовъ и мангдай былъ лучше и шире, что обезпечивало имъ возможность, имѣя большее количество скота, размножаться быстрѣе другихъ, болѣе слабыхъ и бѣдныхъ родовъ.

Описанное обособленіе кочевыхъ путей и стоянокъ было дѣломъ чисто хозяйственной необходимости, безъ всякаго юридическаго значенія: каждая кочевая группа передвигалась своимъ путемъ, но могла передвигаться, и передвигалась, и какимъ угодно другимъ, когда этого требовали мѣстная безкормица и другія причины.

Однако, киргизское хозяйство при кочевомъ и чисто пастбищномъ скотоводствѣ, въ концѣ концовъ, достигло въ своемъ развитіи извѣстнаго предѣла. Предѣлъ этотъ обозначился тѣмъ количествомъ скота, какое можетъ прокор-

*) Матеріалы экспедиціи по изслѣдованію степныхъ областей, Кустанайскій уѣздъ, стр. 10.

миться на данной территории при наименѣе благоприятныхъ условіяхъ, т.-е. въ самый тяжелый годъ. Всякій излишній скотъ сверхъ этого предѣла, хотя и могъ бы прокормиться въ средніе и лучшіе годы, въ плохой годъ не только падетъ самъ собой, но и повлечетъ за собой гибель почти всего стада, такъ какъ онъ задолго до конца зимы съѣстъ тотъ запасъ подножного корма, который предѣльному количеству скота какъ разъ и пригодился бы подъ конецъ зимы; недостатокъ корма даже на одну недѣлю рѣшаетъ, въ такихъ случаяхъ, участь всего киргизскаго живого капитала.

Норма емкости всей данной территории въ отношеніи населенія опредѣлится при такихъ условіяхъ, какъ частное отдѣленіе предѣльнаго количества скота на норму обезпеченія скотомъ одной кочевой семьи.

Размножаясь сверхъ того количества, какое можетъ безъ затрудненія прожить на данной территории при пастбищно-скотоводческомъ хозяйствѣ, население неминуемо принуждено было испытать хозяйственный кризисъ.

Когда описанный кризисъ пастбищно-кочевыхъ хозяйства наступилъ, онъ сильнѣе всего отразился на судьбѣ слабыхъ, малочисленныхъ родовъ, которые не только не въ состояніи были раздвинуть на обѣ стороны своихъ сосѣдей, а, наоборотъ, должны были сами, выдерживая двухсторонній натискъ, сжиматься и сокращать свою мангдайную полосу.

Сокращеніе пастбищъ вело за собой усиленные падежи скота, а это принуждало стѣсненные и обѣднѣвшіе роды подумать о своей дальнѣйшей судьбѣ: разъ прежняя форма хозяйства не могла уже служить для нихъ надежнымъ обезпеченіемъ, оставалось волей-неволей искать другую, болѣе соответствующую тому положенію, въ какомъ малосильные роды оказались вслѣдствіе кризиса. *И вотъ эти роды отдадутъ на съверъ для того, чтобы жить тамъ круглый годъ, вблизи и отчасти подъ охраной русскихъ поселеній.*

Въ виду болѣе сильныхъ холодовъ и бурановъ и болѣе глубокаго снѣга, здѣсь, на съверѣ, осѣданіе ведетъ за собой устройство постоянныхъ зимнихъ жилищъ для себя и прочныхъ оградъ для скота, взамѣнъ передвижной войлочной юрты и передвижныхъ же изгородей изъ войлока или ка-

мышы, а затѣмъ естественно возникаетъ вопросъ о заготовленіи на зиму, посредствомъ сѣнокошенія, извѣстныхъ запасовъ готоваго корма для подкармливанія болѣе слабыхъ и молодыхъ животныхъ.

Такъ на мѣстѣ, облюбованномъ для зимовки, появляется постоянное зимнее жилище. Вмѣстѣ съ нимъ появляется мелкая селидебная группа—ауль. Эти мелкія группы, скрѣпленные не столько родственной связью, сколько экономической или соціальною,—нѣчто въ родѣ патрона „съ состоящими при немъ кліентами *).“ Эти мелкія группы не раздробляются и лѣтомъ при кочеваніи, наоборотъ,—лѣтомъ, онѣ, въ видѣ правила соединяются въ болѣе обширныя кочевыя группы—въ лѣтніе аулы. И зимнія жилища и мелкія селидебныя группы появлялись иногда раньше, чѣмъ сѣнокошеніе, иногда одновременно съ послѣднимъ. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ еще очень долго сохраняло и сохраняетъ свое значеніе зимній выпасъ скота, такъ называемое тебеневаніе, лишь постепенно уступающій мѣсто содержанію на сѣнѣ все возрастающей части скота. Но, разъ кочевникъ всю зиму проводитъ на одномъ мѣстѣ и разъ, при этомъ, скотъ, въ томъ числѣ и мелкій, не могущій уходить далеко отъ загоновъ, долженъ располагать подножнымъ кормомъ, то первенствующею заботою кочевника, на этихъ первоначальныхъ стадіяхъ его осѣданія, является—обезпечить мелкому скоту возможность тебеневанія на непосредственно прилегающихъ къ зимовкѣ зимнихъ пастбищахъ. Это обстоятельство и отражается на разселеніи: мелкій скотъ не можетъ уходить далеко отъ зимовокъ; въ предѣлахъ же небольшого радіуса можетъ найтись кормъ лишь для небольшого количества скота, слѣдовательно—для скота, принадлежащаго очень небольшому числу домохозяйствъ.

„Поэтому, начинающимъ осѣдать кочевникамъ приходится разселяться, по возможности, мелкими группами, и лишь постепенно, когда тебеневаніе вытѣсняется сѣнокошеніемъ, становится возможнымъ образованіе болѣе крупныхъ селидебныхъ групп *).“ Цифры съ безусловной очевидностью подтверждаютъ это правило: въ южной части, напр., Атба-

*) А. Кауфманъ. Къ вопросу о происхожденіи земельной общины. „Рус. Мысль“ 1907 г., Октябрь, стр. 7 - 8.

сарскаго уѣзда, гдѣ скотъ всю зиму проводитъ на подножномъ корму, зимній аулъ состоитъ, въ среднемъ, всего изъ 4-хъ хозяйствъ. Въ сѣверной части того же уѣзда, гдѣ сѣнокошеніе сдѣлало уже довольно значительные успѣхи, средній составъ аула—8; въ Актюбинскомъ уѣздѣ, уже далеко ушедшемъ по пути къ осѣдлымъ формамъ быта и хозяйства—14 хозяйствъ: „когда мелкій скотъ зимою питается преимущественно сѣномъ, большія поселенія представляютъ извѣстные преимущества предъ маленькими, и, во всякомъ случаѣ, нѣтъ необходимости селиться подальше другъ отъ друга“, тогда какъ тамъ, гдѣ скотъ и зимою находится на подножномъ корму, необходимо селиться шире, чтобы не стѣснять пастбу скота *)“.

Не остаются безъ измѣненія также способы и порядки пользованія всею остальною массою пастбищъ, не вошедшею въ раіоны непосредственнаго притяженія заимокъ. Съ появленіемъ постоянныхъ зимнихъ жилищъ, съ обособленіемъ прилегающихъ къ нимъ пастбищъ, съ развитіемъ сѣнокошенія, а затѣмъ и земледѣлія, область обособленнаго пользованія, иначе сказать—такъ называемыя призимовочныя площади, все болѣе и болѣе расширяется за счетъ свободно используемыхъ по преимуществу лѣтнихъ пастбищъ. Происходитъ безостановочный процессъ захвата, подъ ту или другую категорію угодій обособленнаго пользованія все новыхъ и новыхъ площадей, до того составлявшихъ вольное общее пастбище; возникаютъ все новыя заимки, распаиваются все новыя пашни, захватываются все новые покосы. Новыя осѣдлости образуются по преимуществу при тѣхъ или другихъ, ранѣе использовавшихся во время лѣтняго кочеванія водныхъ источникахъ—при доступныхъ для водопоя берегахъ рѣкъ, при озерахъ, колодцахъ и т. п. Но, благодаря этому, сплошь и рядомъ становится недоступнымъ для кочеванія во много разъ болѣе обширное пространство, чѣмъ сколько непосредственно занято подъ зимовки и призимовочныя угодія. Прежде единая и безраздѣльная, всѣми вольно использовавшаяся, степь испещряется „безконечнымъ множествомъ площадей обособленнаго пользованія, закрытыхъ для кочеванія.

*) Матеріалы экспедиціи Щербины, Атбасарскій уѣздъ, стр. 5.

Для характеристики той степени интенсивности, которой, съ теченіемъ времени, достигаетъ этотъ процессъ, достаточно упомянуть о томъ, что при недавнихъ съемкахъ, производившихся чинами переселенческой организаціи въ Уральскомъ уѣздѣ и области, оказалось совершенно невозможнымъ выдѣлить на планахъ общія лѣтовки—до такой степени онѣ уже испещрены всякаго рода угодьями.

Параллельно съ такимъ, быстро прогрессирующимъ, сокращеніемъ площади свободныхъ пастбищъ идетъ и постепенное ихъ обособленіе. Въ силу чисто хозяйственныхъ потребностей, изъ нерасчлененной прежде общей массы пастбищъ выдѣляются прежде всего осенне-весеннія пастбища—кузеу. Это площади, гдѣ осѣдающіе кочевники проводятъ время полевыхъ работъ—сѣнокоса и уборки хлѣба; значитъ, площади болѣе или менѣе непосредственно прилегающія къ зимовкамъ и культурнымъ угодьямъ. Ясно вмѣстѣ съ тѣмъ, что кузеу только тогда и имѣетъ смыслъ, когда оно становится исключительнымъ достояніемъ того или тѣхъ, къ чьимъ зимовкамъ и культурнымъ землямъ оно расположено достаточно близко. При этомъ „обычное явленіе, что водопой на кузеу—изъ колодца, въ силу чего у каждой группы хозяйствъ или аула имѣется своя стоянка—джуртъ; отсюда уже недалеко и до разграниченія кузеу на части: ты паси свой скотъ до этихъ поръ, а я буду пасти до тѣхъ“ *).

Въ дальнѣйшемъ, благодаря, главнымъ образомъ, близости русскихъ земледѣльческихъ поселеній (см. статью „Вліяніе колонизаціи на киргизское хозяйство“), въ хозяйствѣ киргизъ начинаетъ играть все болѣе и болѣе видную роль уже земледѣліе, отъ котораго, по выраженію киргизовъ, двойная польза: „себѣ пища и скоту кормъ“.

Установившаяся черезъ водвореніе въ степи переселенцевъ связь степи съ русскимъ, а черезъ него и съ міровымъ рынкомъ, служить едва ли не главнымъ факторомъ развитія у киргизъ земледѣльческаго хозяйства. Чистые кочевники могли отчуждать въ мѣновыхъ пунктахъ или ярмаркахъ только скотъ и продукты своего хозяйства: кожи, шерсть, волосъ и

*) Матеріалы экспедиціи Щербины, Каркаралинскій уѣздъ, стр. 36.

т.п., покупая, взаменъ того, посуду, домашнюю утварь, одежду, вообще все то, что не могло быть сдѣлано дома, изъ своего матеріала. При обилии животной пищи—мяса, молока и кумыса, кочевники смотрѣли на такіе предметы, какъ чай, сахаръ и хлѣбъ, какъ на простое лакомство или, точнѣе, предметы роскоши.

Объединившіе роды, наоборотъ, имѣли слишкомъ мало скота не только для продажи, но и для собственного употребленія: весьма ограниченная для нихъ возможность питаться мясомъ и кумысомъ дѣлала необходимымъ введеніе въ обиходъ жизни какого-нибудь новаго вида пищи, недорогого и доступнаго каждому бѣдняку: явилась потребность въ растительныхъ продуктахъ, въ хлѣбѣ. А такъ какъ покупать этотъ хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ у русскихъ объединившимъ киргизамъ было не на что, то нужда и заставила ихъ приняться за посѣвъ хлѣба.

Въ нѣкоторыхъ районахъ средній посѣвъ на сѣющее киргизское хозяйство, какъ указывалось выше, достигаетъ 9 десятинъ, при 94,4 % сѣющихъ хозяйствъ. Имѣются свѣдѣнія, что уже въ 1898 году киргизами Актюбинскаго уѣзда продано 1.183.000 пудовъ зерна, главнымъ образомъ—проса, причемъ на продававшее хозяйство приходится проданнаго хлѣба по 70 п., а вообще на каждое хозяйство въ уѣздѣ—около 67 пудовъ.

Такимъ образомъ, недостаточность отчужденія продуктовъ скотоводства у осѣдлыхъ киргизъ восполняется отчужденіемъ продуктовъ земледѣлія. Хозяйство становится на двѣ ноги и потому приобретаетъ болѣе устойчивое равновѣсіе.

Переходъ къ болѣе интенсивной и устойчивой формѣ хозяйства позволилъ осѣвшимъ родамъ размножаться быстрѣе кочевниковъ, что, конечно, подняло силу и значеніе униженныхъ и забитыхъ родовъ сравнительно съ богатыми и вліятельными кочевниками.

Въ виду сокращенія площади прежнихъ общихъ лѣтвовокъ на сѣверѣ, вслѣдствіе захвата ихъ осѣдлыми подъ зимовки, пашни и сѣнокосы, размноженіе кочевниковъ, сокращавшее и площадь южныхъ пастбищъ на единицу населенія, должно было поставить ихъ въ тяжелое положеніе.

Слѣдовательно, сильные и богатые кочевые роды, насильственно принудивши болѣе слабые и бѣдные роды, во время степного скотоводческо-кочевая кризиса, къ осѣдлому образу жизни, дали имъ новое серьезное оружіе для борьбы за размноженіе и это оружіе было потомъ весьма умѣло пущено осѣдлыми въ ходъ противъ кочевниковъ, своихъ недавнихъ притѣснителей и обидчиковъ.

Иными словами, сильные кочевники, всегда бравшіе верхъ надъ объединившимися родами, пока сражались съ ними на одинаковой для обѣихъ сторонъ почвѣ пастбищно-кочевая хозяйства, были наиболѣе приспособлены къ внѣшней обстановкѣ своего существованія только до перехода побѣжденныхъ къ другой болѣе совершенной и устойчивой формѣ хозяйства, дававшей больше гарантіи противъ случайностей урожая травъ и зимней погоды.

Но какъ только этотъ переходъ совершился и осѣдлые настолько окрѣпли въ новыхъ условіяхъ жизни, чтобы почувствовать себя въ состояніи перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, роли быстро перемѣнились и кочевники скоро сами оказались въ роли наименѣе приспособленныхъ, въ роли побѣжденныхъ.

Произошло это такъ. Желая поддержать коэффициентъ своего размноженія на прежнемъ уровнѣ при наступившемъ стѣсненіи въ пастбищахъ, кочевники въ лучшіе средніе годы, стремились довести свои стада до наибольшаго размѣра, далеко превышавшаго тотъ максимальный предѣлъ, выше котораго они не могли увеличить количество своего скота на оставшейся въ ихъ распоряженіи пастбищной территоріи.

А это вело къ тому, что годы джуга или падежа скота отъ гололедицы и безкормицы—„куянь-жылы“,—наступающіе обычно черезъ 12 лѣтъ, стали рѣзко отражаться на благосостояніи отдѣльныхъ кочевыхъ группъ, превращая ихъ почти поголовно въ безскотныхъ бѣдняковъ, которымъ нечего было и думать о продолженіи прежняго кочевая образа жизни: „пѣшкомъ далеко не укуеешь“.

Благодаря такимъ условіямъ, съ каждымъ новымъ падежемъ скота, у кочевниковъ происходило усиленное сокращеніе площади общихъ лѣтвовокъ на сѣверѣ. Съ одной стороны,

объединившие роды и части ихъ, не имѣя возможности кочевать, садились на облюбованныхъ лѣтовочныхъ мѣстахъ и превращались навсегда въ осѣдлыхъ, а съ другой—старожилы осѣдлые, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ падежа скота число кочевниковъ, у которыхъ хватало силы дойти до сѣверныхъ лѣтовокъ, сразу падало до ничтожныхъ размѣровъ, спѣшили захватить своими постоянными угодьями лучшія части сосѣднихъ лѣтовочныхъ урочищъ.

Оправившись немного, кочевники натыкались на сѣверѣ на результаты этихъ новыхъ захватовъ лѣтовокъ со стороны осѣдлыхъ, и потому, не имѣя возможности при неподвижной формѣ хозяйства, возратить себѣ прежній пастбищный просторъ, должны были объединить окончательно и терпѣть новые падежи скота и не въ годы джута (куяна), а въ самое обыкновенное, какъ, на примѣръ, 1904—1905, когда осѣдлые, благодаря кормовымъ запасамъ, нисколько не пострадали *).

Въ исторіи киргизской осѣдлости однимъ изъ рѣшающихъ поворотныхъ моментовъ явилось введеніе въ дѣйствіе Степного Положенія 1868 г., раздѣлившаго степь и ея населеніе не на родовыя единицы, а на территоріальныя волости, общественная и хозяйственная жизнь которыхъ должна была происходить подъ наблюденіемъ администраціи. На основаніи этого положенія, владѣніе зимовыми стойбищами и обрабатываемыми землями приурочено было къ административнымъ дѣленіямъ—волостямъ и аульнымъ обществамъ или административнымъ ауламъ. Сдѣлано это было съ опредѣленною политическою цѣлью—уничтожить исконную родовую связь кочевого населенія. Въ дѣйствительности же съ этого момента разнаго рода угодья стали приурочиваться къ разнообразнымъ бытовымъ единицамъ и группамъ, начиная отъ отдѣльнаго домохозяйства и кончая болѣе или менѣе обширными и сложными соединеніями селидебныхъ группъ, т. е. процессъ индивидуализаціи владѣнія угодьями, описанный выше, сталъ совершаться свободнѣе. И, хотя положеніе 1868 года не сдѣлало изъ административной волости и аула

*) Т. Сѣдельниковъ, Борьба за землю въ киргизской степи. стр. 17—18.

дѣйствительныхъ земельныхъ единицъ, такъ какъ лишь немногія административныя, въ частности аульныя, границы, совпадаютъ нынѣ съ границами землевладѣнія, тѣмъ не менѣе оно провело рѣзкую и опредѣленную грань между прошлымъ степи и ея будущимъ.

Новый законъ, нарушая всѣ дѣдовскіе обычаи, сложившіеся при чистой кочевой жизни, еще болѣе обострилъ взаимоотношеніе осѣдлыхъ и кочевыхъ киргизъ. Обостреніе это произошло на почвѣ той глубокой и существенной розни, какая къ тому времени уже достаточно рѣзко опредѣлилась между осѣдлыми и кочевниками, какъ двумя различными хозяйственными типами, ясно сознающими, вмѣсто былой родовой солидарности, коренную противоположность своихъ стремленій и интересовъ: что одному полезно, то другому смерть.

Нынѣ, чтобы удержать за собою право ежегодно приходить съ своими стадами на сѣверныя лѣтовки, окруженныя со всѣхъ сторонъ землями осѣдлыхъ,—кочевники, забывши прежнія родовыя распри, начали дружно отстаивать популярный и въ русской хозяйственно—отсталой деревнѣ принципъ: „Земля Божья, а затѣмъ царская (государственная)“. На это степные прогрессисты отвѣчаютъ коротко и ясно: „Теперь царской земли нѣтъ, а есть только людская земля“. Иначе, у cadaго клочка есть свой хозяинъ.

Въ то время, какъ кочующій апеллируетъ къ отжившимъ обычаямъ предковъ, осѣдлый заявляетъ: „По обычаю теперь жить спокойно нельзя, для спокойной жизни нужна земельная граница (жаксы)“. Т. е. нуженъ опредѣленный порядокъ землепользованія, его обособленность, чего кочевникъ признать не можетъ.

Слѣдовательно, во взаимной борьбѣ кочевниковъ и осѣдлыхъ сталкиваются два разныхъ міра, двѣ эпохи, два міросозерцанія. И эта борьба будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока побѣжденные кочевники не откажутся отъ своей отсталой, пережиточной формы хозяйства и не станутъ жить, какъ осѣдлые, какъ русскіе, какъ всѣ.

Изъ изложеннаго, казалось бы, можно вывести уже слѣдующія два главные положенія, для программы вмѣшатель-

ства правительственных учреждений (въ киргизскія земельныя отношенія:

1. Признать съ точки зрѣнія народнаго хозяйства и высшей социальной жизни объективно правомѣрными — стремленія осѣдлой части киргизскаго народа и выработать нормы, содѣйствующія и помогающія ускоренію процесса индивидуализаціи поземельнаго владѣнія, влекущаго за собой высшія формы хозяйствованія. Въ этихъ видахъ при столкновеніи интересовъ кочевниковъ и осѣдлыхъ предпочтеніе оказывать послѣднимъ.

2. Владѣніе земельными угодьями приурочивать къ бытовымъ хозяйственнымъ единицамъ и группамъ, начиная отъ отдѣльных домохозяйствъ и кончая соединеніями отдѣльных селидебныхъ группъ.

Далѣе, считаясь съ хозяйственно-экономической и социальной неоднородностью степного населенія, слѣдуетъ выяснитъ еще слѣдующій вопросъ: интересы какой части степного населенія должны получить преимущественное значеніе при намѣчающемся фактическомъ вмѣшателствѣ правительственныхъ учреждений въ киргизскія земельныя отношенія.

Выше уже отмѣчалось, что экономическіе интересы 80% киргизскаго населенія, имѣющаго на хозяйство до 10 единицъ скота, настолько противорѣчивы остальнымъ 20% киргизскихъ богачей, что въ настоящее время не могутъ уже регулироваться устарѣвшимъ степнымъ положеніемъ 1868 года. Это дѣленіе на два рѣзко обособленныхъ класса наблюдается какъ у кочевниковъ, такъ и у осѣдлыхъ. Большинство обѣднѣвшихъ кочевниковъ, не имѣя возможности ни кочевать, ни приписаться къ осѣдлымъ, перебиваются среди населенія сѣверныхъ волостей въ качествѣ безправныхъ „гостей“ (кунакъ). Эти гости-кунаки — живутъ около осѣдлыхъ „изъ милости“. Пахать землю или косить сѣно самостоятельно они не могутъ, такъ какъ имъ никто не дастъ въ аренду ни пашень ни сѣнокосовъ. Хлѣбъ и сѣно они принуждены добывать посредствомъ сотрудничества съ отдѣльными хозяевами изъ мѣстныхъ жителей. „Пока угрождаешь всѣмъ, жить можно“, опредѣляютъ кунаки основную черту своего положенія. Ихъ единственная и завѣтная мечта въ большинствѣ случаевъ — это возможность получить *свой* земельный надѣлъ, гдѣ бы можно

вести осѣдлое хозяйство, не завися ни отъ произвола ни отъ великодушія другихъ.

Еще рѣзче дифференціація среди осѣдлыхъ киргизъ. Такъ, напримѣръ, 18,2% всѣхъ хозяйствъ Кустанайскаго уѣзда сосредоточили въ своихъ рукахъ около 60% скота и 43% посѣвной площади. Хозяйство ихъ покоится на женскомъ и батрацкомъ трудѣ. Несомнѣнно, имъ и принадлежитъ главная роль въ распорядительствѣ землями какъ отдѣльной группы, такъ и цѣлой волости. разъ на ихъ сторонѣ законъ и экономическое господство. Такъ, напр., управитель Саройской волости, Кустанайскаго уѣзда, по собственному показанію, имѣетъ до 1.000 головъ лошадей, засѣваетъ ежегодно 400 д. пшеницы, накашиваетъ машинами массу сѣна и, кромѣ того, по свидѣтельству мѣстныхъ знающихъ лицъ, сдаетъ въ аренду до 3.000 дес., считая общественную землю своею, и предоставляя одноаульцамъ своимъ распахать отъ 1 до 1½ десятины. Такихъ примѣровъ можно привести множество. Благодаря специфическимъ особенностямъ хозяйственного уклада между обогащеніемъ однихъ и обѣдненіемъ другихъ, здѣсь существуетъ прямая причинная связь и зависимость: одни бѣдны потому, что богаты другіе, и обратно. Вліятельный киргизъ, путемъ разныхъ чудовищно-кабальныхъ ссудъ и другихъ долговыхъ сдѣлокъ, имѣетъ полную возможность держать въ рукахъ своихъ менѣе обезпеченныхъ одноаульцевъ, самымъ широкимъ образомъ эксплуатируя и ихъ рабочую силу и слабыя стороны ихъ собственнаго хозяйства, рѣзко обнаруживающіяся при неизбѣжныхъ колебаніяхъ въ урожаѣ травъ и хлѣбовъ.

Этимъ и объясняется разница во взаимныхъ отношеніяхъ между бѣдными и богатыми у кочевниковъ и осѣдлыхъ. Богатый и бѣдный кочевники не могутъ столкнуться въ сферѣ землепользованія и потому ходатайства богатыхъ кочевниковъ объ улучшеніи судьбы ихъ обѣднѣвшихъ родичей путемъ отвода имъ на сѣверѣ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ для самостоятельнаго осѣдлаго хозяйства являются вполне понятными и естественными. Напротивъ, никакихъ признаковъ такой естественной солидарности между богатыми и бѣдными сѣверянами уже не наблюдается, а вмѣсто того

на каждомъ шагу встрѣчается проявленіе болѣе или менѣе явной открытой борьбы между ними за землю *).

✓ Тогда какъ богачи настаиваютъ на общинномъ, нераздѣльномъ пользованіи зимними пастбищами и пахотными землями, стараясь въ то же время всякими правдами и неправдами прибирать къ рукамъ, въ свое исключительное распоряженіе, возможно большую площадь сѣнокосныхъ угодій, бѣдняки хотятъ, чтобы всѣ общинныя земли были раздѣлены поровну между всѣми общинниками. Вмѣсто фактически существующаго, но не выгоднаго бѣднымъ пользованія землею „по количеству скота, по благосостоянію“, они добиваются, чтобы земля давалась по *душамъ* одинаково какъ для многоскотныхъ, такъ и для совсѣмъ безскотныхъ. Иначе говоря, малосостоятельные слои осѣдлаго населенія степи уже доросли до сознанія *личнаго права на землю*, сродняющаго ихъ психологію съ психологіей малоземельнаго крестьянства, но зато идущаго въ разрѣзъ со всѣми степными традиціями, которыя до сихъ поръ въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранились у кочевниковъ, а въ болѣе узкомъ и ограниченномъ смыслѣ поддерживаются и осѣдлыми богачами скотоводами.

Только считаясь съ этой хозяйственно-экономической и социальной неоднородностью степного населенія и исходя изъ государственной справедливости, повелѣвающей создать такія условія, чтобы киргизы въ глазахъ всего культурнаго міра перестали быть дикарями и могли сдѣлаться равноправными съ остальнымъ населеніемъ государства, возможно обосновать программу и задачи поземельнаго устройства степи, какъ мѣры въ высшей степени жизненнаго и практически неотложнаго характера.

Такимъ образомъ, третьимъ—главнымъ основнымъ принципомъ поземельнаго устройства степи—должно быть *укрѣпленіе землевладѣнія и уравненіе землеобеспеченія всѣхъ элементовъ киргизскаго народа, исходя при этомъ, по возможности, изъ трудовой нормы.*

Этотъ основной принципъ намѣчающагося поземельнаго

*) Т. Свѣдельниковъ, Борьба за землю въ киргизской степи.

устройства степи будетъ въ полномъ согласіи и съ требованіями, предъявляемыми къ киргизской степи со стороны коренной Россіи, какъ метрополии къ своей колоніи, такъ какъ онъ, отстаивая интересы киргизской народной массы, не отгораживаетъ въ то же время этой степи отъ колонизаціи ея кореннымъ населеніемъ Имперіи, признавая за послѣднимъ здѣсь равновеликія права на землю.

Насколько будетъ велико реальное значеніе этихъ правъ для населенія коренной Россіи, можно судить по тому, что, по подсчетамъ, для одной только Семирѣченской области, за надѣленіемъ всего мѣстнаго сельскаго населенія—русскаго и инородческаго—землею по 10 дес. на одну наличную душу мужского пола, останется свободныхъ излишковъ для надобностей колонизаціи одной только *удобной* земли свыше 7 милліоновъ десятинъ.

Между тѣмъ неопредѣленность правъ земельного владѣнія въ нашихъ степныхъ областяхъ служитъ нынѣ непреодолимымъ тормазомъ для всякихъ культурныхъ начинаній и препятствіемъ къ развитію производительныхъ силъ страны. Насколько, на примѣръ, неопредѣленность правъ землевладѣнія въ степныхъ областяхъ тормазитъ сельскохозяйственныя начинанія видно изъ того, что, на примѣръ, Съѣздъ овцеводовъ, бывшій въ Петербургѣ съ 8 по 10 апрѣля нынѣшняго года, постановилъ слѣдующую резолюцію: „имѣя въ виду, что отсутствіе опредѣленныхъ границъ земельныхъ владѣній въ Степномъ краѣ и Туркестанѣ является важнымъ препятствіемъ къ болѣе интенсивному использованию огромныхъ свободныхъ районовъ, съѣздъ призналъ въ интересахъ развитія овцеводства необходимымъ произвести окончательное надѣленіе землею киргизъ и другихъ инородцевъ, указавъ границы инородческихъ земель. По мнѣнію съѣзда, этимъ открывается возможность немедленно распорядиться всѣми остальными землями какъ въ цѣляхъ переселенія, такъ и въ интересахъ овцеводства“.

Затѣмъ хлопковый Комитетъ, съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности, столкнулся съ неопредѣленностью земельныхъ владѣній въ Туркестанѣ и долженъ былъ прежде всего обсудить этотъ вопросъ. По разсмотрѣніи всѣхъ подробно-

стей земельного неустройства, Комитетомъ принята слѣдующая резолюція: „Комитетъ признаетъ необходимымъ, въ интересахъ прочной постановки и широкаго развитія культуры хлопка въ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ, скорѣйшее отграниченіе земель мѣстнаго кочевого населенія, съ передачей въ распоряженіе Государства всѣхъ свободныхъ земель, которыя и могли бы служить культурнымъ земельнымъ фондомъ для различныхъ надобностей Государства, въ томъ числѣ, гдѣ окажется возможнымъ, и для расширенія хлопковыхъ плантацій“.

При такомъ положеніи вещей, исходя изъ изложенныхъ выше принциповъ и принимая во вниманіе очерченныя здѣсь условія киргизскаго хозяйства и землепользованія, въ основаніе поземельнаго устройства киргизъ въ *мѣстностяхъ, гдѣ оспаданіе и переходъ къ земледѣлію наблюдается въ значительной степени*, возможно положить нижеслѣдующія начала:

1) Вся удобная для распашки земля, включая и сравнительно небольшія расположенныя среди нея площади неудобной, обращается подъ земледѣльческіе участки, при образованіи которыхъ принимаются во вниманіе всѣ интересы будущаго земледѣльческаго населенія.

2) Норма надѣла на этихъ участкахъ, исчисляемая на душу мужского пола или домохозяйство, должна быть опредѣлена въ зависимости отъ почвенныхъ условій опредѣленной мѣстности на чисто-земледѣльческое хозяйство или земледѣльческо-скотоводческое.

3) Земли, неудобныя для распашки, остаются во владѣніи Государства, которое на особыхъ условіяхъ сдаетъ ихъ въ аренду подъ выпасъ скота.

4) Выдѣлъ этихъ выгонныхъ земель долженъ быть произведенъ такимъ образомъ, чтобы, по возможности, отъ каждаго земледѣльческаго участка былъ къ нимъ свободный доступъ, къ выгоннымъ же землямъ, находящимся не по смежности съ земледѣльческими участками, долженъ быть оставленъ удобный, обеспеченный водопоемъ, прогонъ.

5) Выгонныя земли должны быть обеспечены естественными или искусственными водопоями.

6) Изъ образованныхъ земледѣльческихъ участковъ мѣ-

стному киргизскому населенію должно быть предоставлено право выбора наиболѣе для нихъ подходящаго и желательнаго. Всѣ остальные земледѣльческіе участки поступаютъ переселенцамъ изъ Европейской Россіи.

7) Изъ выгонныхъ земель часть ихъ, обеспечивающая все наличное киргизское скотоводство, должна остаться въ пользованіи киргизъ, не пожелавшихъ осѣсть на земледѣльческихъ участкахъ.

8) Выгонныя земли, сверхъ выдѣленныхъ въ пользованіе киргизъ—скотоводовъ, поступаютъ въ свободное распоряженіе государства для той или иной общегосударственной надобности.

9) Въ виду крайней бѣдности значительной части киргизъ, которые будутъ осѣдать на земледѣльческихъ участкахъ, для нихъ долженъ быть примѣненъ рядъ мѣръ, облегчающихъ ихъ переходъ къ новымъ условіямъ жизни.

10) Одновременно съ симъ долженъ быть предпринятъ цѣлый рядъ культурныхъ мѣропріятій и соотвѣтственныхъ реформъ въ правовой жизни киргизъ (въ особенности долженъ быть реформированъ народный судъ), облегчающихъ переходъ къ болѣе совершеннымъ и сложнымъ формамъ хозяйства.

11) Землеустройству киргизъ должны предшествовать сплошныя или частичныя статистическія изслѣдованія, которыя должны болѣе подробно выяснить нѣкоторыя стороны хозяйственной жизни киргизъ и провѣрить нѣкоторые выводы экспедиціи Щербины.

12) Кромѣ того, надлежащими статистическими и естественно-историческими изслѣдованіями должны быть изучены хозяйство киргизъ южныхъ уѣздовъ, причина перекочевокъ на сѣверныя лѣтовки, и возможность переноса сѣверныхъ лѣтовокъ, расположенныхъ на удобной для земледѣльческой культуры земляхъ, на опредѣленные, строго отграниченныя мѣста болѣе южной части киргизскихъ степей.

Почти на тѣхъ основаніяхъ предполагало построить поземельное устройство киргизъ и совѣщаніе, происходившее весной этого года въ гор. Оренбургѣ, изъ переселенческихъ чиновъ и мѣстной администраціи, кстати сказать

всегда ревниво оберегавшей интересы киргизовъ. — По мнѣнію названнаго совѣщанія, какъ объ этомъ свидѣтельствовавъ на Харьковскомъ переселенческомъ сѣздѣ одинъ изъ участниковъ совѣщанія агрономъ Б. А. Скаловъ, можно надѣяться, что землеустройство на вышеуказанныхъ основаніяхъ не только не нарушитъ хозяйственныхъ интересовъ киргизскаго населенія—какъ земледѣльцевъ, такъ и скотоводовъ, — а, напротивъ того, освобождая попутно значительныя пространства для малоземельнаго населенія Европейской Россіи, явится толчкомъ для развитія болѣе культурной жизни въ средѣ самого киргизскаго племени. Землеустройство на вышеуказанныхъ основаніяхъ устранить вполне основательное безпокойство киргизъ относительно прочности владѣнія на оставляемыя въ настоящее время въ ихъ пользованіи земельныя пространства, устранить возможное въ ближайшемъ будущемъ значительное осложненіе въ земельномъ отношеніи самихъ киргизъ—столкновеніе между осѣдыми и кочевниками, между скотоводами и земледѣльцами,—устранить болѣе или менѣе основательныя жалобы киргизъ на то, что у нихъ отбираются подъ переселенческіе участки лучшія земли, а имъ оставляются одни пески, солонцы и горы, и сдѣлаетъ невозможнымъ то расхищеніе киргизскихъ земель, которое создается въ настоящее время самовольной сдачей богачами земель общаго пользованія въ аренду заемщикамъ.

При надлежащей освѣдомленности киргизскаго населенія относительно сущности проводимой реформы, вполне обезпечивающей интересы какъ основной земледѣльческой массы, такъ и богачей скотоводовъ, при участіи представителей киргизскаго населенія въ работахъ по землеустройству, при полной солидарности всѣхъ органовъ мѣстнаго управленія и при надлежащей осторожности и постепенности въ проведеніи реформы, можно надѣяться, что введеніе ея въ жизнь не вызоветъ сколько-нибудь серьезныхъ осложненій политическаго характера.

Г. Чиркинъ.

Экономическіе результаты переселенія въ Сибирь и Степной край.

Переселенческое движеніе, повидимому, вступило въ періодъ особенно быстрого подъема и развитія. Если бросить ретроспективный взглядъ на это движеніе, то картина его, въ общихъ чертахъ, представится въ слѣдующемъ видѣ.

Начало правительственной колонизаціи Сибири относится къ сороковымъ годамъ минувшаго столѣтія, когда разрѣшено было казеннымъ крестьянамъ переселяться въ Сибирь. Результаты этой колонизаціи въ теченіе 40—50-хъ гг. выразились въ 60.000 душъ переселившихся крестьянъ.

Затѣмъ слѣдовалъ перерывъ, послѣ котораго возобновившееся съ семидесятыхъ годовъ движеніе было до 80-хъ годовъ по-прежнему совсѣмъ незначительнымъ, а съ того времени сталъ замѣчаться усиленный приливъ переселенцевъ въ восточныя губерніи Европейской Россіи и въ ближайшую сибирскую губернію—Тобольскую. Въ періодъ 1881—1885 гг. прошло черезъ Волгу на Уфу и Оренбургъ 53.000 душъ, а въ Тобольской губерніи,—этой первой приѣмницѣ движенія въ Сибирь,—осѣло за 15 лѣтъ, съ конца 70-хъ по 1893 годъ, до 25.000 душъ. Общее же движеніе чрезъ Оренбургъ, Тюмень и Челябинскъ, съ 1885 до 1892 г. включительно, выразилось въ цифрѣ до 328.000 душъ.

Этотъ послѣдній періодъ ознаменовался введеніемъ правильной регистраціи переселенцевъ (съ 1885 г.). Онъ же является послѣднимъ періодомъ передъ открытіемъ движенія по Сибирской желѣзной дорогѣ.